

Борис Цилевич. Третий брат Куаши

Борис Цилевич, депутат Сейма ("Согласие"), член ПАСЕ
16 февраля 2015, 10:33

Foto: LETA

После недавних террористических актов в Париже опять слышны разговоры о "провале мультикультурализма" в Европе. Как и после теракта Брейвика в Норвегии четыре года назад. Тезисы как интеллектуалов, так и обывателей весьма похожи: мол, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись, в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань и т.п.

Пикантная деталь — критики мультикультурализма рассуждают о его крахе в государствах, в которых никакого мультикультурализма никогда не было! Очевидно, дело в разном понимании терминов. Как бывший физик, я предпочитаю четко определить понятия, прежде чем использовать их для далеко идущих выводов.

С проблемой *управления многообразием (diversity management)* сталкиваются практически все современные европейские государства. Возрастающая мобильность жителей, миграция, смешанные браки, и — что немаловажно — пробуждение интереса к своим корням, возрождение уже, казалось бы, необратимо ушедших в прошлое культур и идентичностей приводит к все большему смешению рас, языков, религий, философских взглядов и ценностных установок.

Государство оказывается перед дилеммой. С одной стороны, культурное многообразие признано базовой ценностью, богатством. С другой — для управляемости и эффективности государства необходим некоторый уровень единообразия, единого понимания — в прямом и переносном смысле. Найти оптимальный баланс между

единообразием и разнообразием — непростая задача, которую каждому государству приходится решать по-своему, в зависимости от своей конкретной ситуации.

Можно выделить три типа "политики многообразия". Консервативная — отрицание и подавление культурного многообразия как в публичной, так и в частной сфере, языковая и культурная ассимиляция: *одна страна, одна нация, один язык*.

Либеральная модель предлагает т.н. *культурный нейтралитет* - подобно тому, как демократическое государство отделено от религии и обязано быть нейтральным в религиозном отношении. Конечно, полный нейтралитет — это миф, на каком-то языке (или языках) должны работать учреждения, отдаваться приказы в армии, издаваться законы. На практике либеральная политика многообразия сводится к обязательному единообразию в публичной сфере и разрешению многообразия в частной (конечно, жесткую границу между публичным и частным провести невозможно, и реализация такой модели приводит ко многим противоречиям и проблемам).

Наконец, политика мультикультурализма означает признание и учет многообразия как в публичной, так и в частной сфере.

Мультикультурализм — изобретение иммиграционных государств (Канада, Австралия), стремившихся строить свои нации как совокупность различных этнических общин. Ни Германия с ее традиционной концепцией нации, основанной на этнической общности (хотя и сохраняющей сейчас скорее символическое значение), ни Франция с ее "республиканской моделью", подчеркивающей равенство и потому отрицающей права меньшинств, политику мультикультурализма никогда не проводили. Элементы мультикультурализма существуют, например, в Великобритании — скажем, муниципалитеты обеспечивают общение с жителями на языках крупнейших общин, проживающих на их территории.

Таким образом, никакого кризиса мультикультурализма в Европе нет — как нет и самого мультикультурализма. Кризис переживает концепция *social cohesion* — сплоченности или, как принято говорить у нас, интеграции общества.

Официальная латвийская концепция "имени Элерте" понимает интеграцию как культурную ассимиляцию: каждый может и должен стремиться "стать латышом", сохраняя свой язык и культуру для использования в строго ограниченных и изолированных областях (семья, религиозные общины и т.н. культурно-национальные общества). В отличие от этой концепции, современное понимание *social cohesion* имеет скорее социальный, чем культурный характер и включает три основных элемента: общие ценности, общий официальный язык (или языки) и гарантии равенства и недискриминации. И проблемы в сегодняшней Европе возникают как раз с главной предпосылкой интеграции — пониманием и принятием общих, универсальных ценностей.

Вплоть до Второй мировой войны "правила игры" были очень простыми — кто сильнее, тот и прав. Конечно, существовали некоторые ограничения, но достаточно условные. Ужасы Второй мировой вызвали глубочайшее потрясение, катарсис, на волне которого и была разработана современная система — ООН с ее Уставом, определяющим принципы отношений между государствами, и конвенции по правам человека. Если раньше правитель (или правительство) имели полное юридическое и моральное право пожертвовать неограниченное количество жизней своих подданных ради своих интересов,

то теперь именно жизнь, достоинство и равенство всех людей признаны высшей ценностью.

Параллельный процесс шел и на региональном уровне, в Европе. Основной целью Союза угли и стали — прообраза ЕС — было сделать невозможной новую войну на континенте.

Эта система и определяет то, что мы сегодня называем базовыми, универсальными ценностями.

Конечно, эта система далека от идеала — она громоздка, несовершенна, не слишком эффективна, во многом несправедлива, предлагаемые ею правила нередко глупы и смешны. К сожалению, очень многие государства и политики лицемерят — патетически провозглашая приверженность принципам демократии и прав на человека, на практике то и дело их нарушают, тем самым дискредитируя эти ценности. Но все же до сих пор эта система более или менее выполняла свою основную функцию — альтернативы "праву силы", войне.

Про теории "столкновения цивилизаций" интересно читать, но реальная граница, "красная линия" проходит не между разными культурами, не между христианами и мусульманами — а между теми, кто принимает эти правила игры, и теми, кто их отвергает, не только допуская, но и используя насилие и терроризм. На одной стороне границы — христиане, мусульмане, консерваторы, либералы, социал-демократы, коммунисты, отстаивающие свои интересы законными методами: создают партии, участвуют в выборах, устраивают демонстрации, пикеты и забастовки, пишут статьи, агитируют и т.п. На другой — братья Куаши, белый супрематист Андерс Брейвик, еврейский экстремист Игаль Амир (застреливший в 1995 году премьера Израиля Ицхака Рабина за соглашение с палестинцами), баскские сепаратисты из ЭТА, использующие террористические методы, и прочие. Несмотря на принципиально противоположные, казалось бы, идейные установки, на деле Брейвик — третий брат Куаши.

Почему тенденция отрицания современных универсальных ценностей усиливается — тема отдельного разговора. Важно признать, что отрицание разнообразия, попытки сделать общество однородным — ложный и очень опасный путь. Запад и Восток уже сошлись, конь и трепетная лань усердно тянут одну и ту же упряжку — абсолютное большинство иммигрантов честно работают, соблюдают законы и помогают европейской экономике держаться на плаву и расти. Можно ли Европу вновь сделать белой и христианской, как некогда? Можно, наверно — но только за счет откровенно нацистских методов: сортировки людей по сортам, ограничения их прав на основе происхождения, религии или языка. То есть сделать именно то, за что борются разномастные экстремисты и террористы — отказаться от ценностей мира, демократии и прав человека. То есть в каком-то смысле самим стать братьями Куаши. И вот это стало бы их полной победой.

Категорически запрещено использовать материалы, опубликованные на DELFI, на других интернет-порталах и в средствах массовой информации, а также распространять, переводить, копировать, репродуцировать или использовать материалы DELFI иным способом без письменного разрешения. Если разрешение получено, нужно указать DELFI в качестве источника опубликованного материала.
